

УДК 303.1

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ СОЦИОЛОГИИ ЖИЗНИ

Тощенко Жан Терентьевич

Член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Социологические исследования», декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, e-mail: zhantosch@mail.ru

В статье осуществлён концептуальный обзор теорий и концепций, в которых особое внимание уделялось человеку, его действиям с учетом его развития и функционирования в условиях определенной социальной среды. Обоснована идея историко-генетической связи философии жизни и социологии жизни. Показано, что главное достижение первых шагов философии жизни заключалось в том, что в ее рамках был сделан вывод: народ во все большей мере становится субъектом исторического процесса, а его жизнь во всех ее проявлениях приобретает значимость не только для социальной практики, но и как предмет научного поиска. Делается вывод о том, что на становление социологии жизни наиболее действенное воздействие оказали феноменологическая социология и социология повседневности. Проанализирована эволюция идей социологии жизни в трудах отечественных авторов.

EVOLUTION OF THE IDEAS OF SOCIOLOGY OF LIFE

Toshchenko Zhan T.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Editor-in-Chief of «Sociological Research»; Dean of the Faculty of Sociology, Russian State Humanitarian University, Moscow, e-mail: zhantosch@mail.ru

In the article a conceptual overview of the theories and concepts in which special attention is paid to a human, his actions taking into account his development and functioning in a particular social environment is conducted. The idea of historical and genetic relationship of sociology of life and philosophy of life is substantiated. It is shown that the main achievement of the first steps of philosophy of life is the following conclusion: the nation is increasingly becoming a subject of the historical process, and its life becomes relevant not only for the social practice, but also as a subject of scientific research. The conclusion is that the establishment of the sociology of the life of the most effective impact have phenomenological sociology and the sociology of everyday life. The evolution of ideas of sociology of life in the works of foreign authors.

Ключевые слова: человек, социология жизни, философия жизни, феноменология. **Keywords:** human, sociology of life, philosophy of life, phenomenology.

Введение

Возникновение социологии как науки отражает качественный этап в истории общества и науки, когда она предстала в человеческом измерении – каждый человек мог проявить свой активный, творческий, созидательный характер. В ответ на поставленные жизнью вопросы в XIX в. родились различные концепции, стремящиеся объяснить существующую реальность. Важнейшими особенностями новой науки стали отказ от хронологического описания событий, опора на выводы естественных наук, анализ реальных фактов и событий, а не только философских постулатов и мировоззренческих идей.

Вместе с тем стоит отметить, что развитие социологии как науки шло по нескольким направлениям. Рождались различные варианты трактовки проблем общественного развития, в которых предлагались разные методы изучения общества. (Подробнее см.: [Кравченко, 2002; Култыгин, 2000; Кукушкина, 2009 и др.]). Мы же остановимся на кратком обзоре тех теорий и концепций, а также некоторых идей, которые можно отнести к человековедению, когда особое внимание уделялось человеку, его действиям с учетом его развития и функционирования в условиях определенной социальной среды.

Философия жизни как предтеча идей социологии жизни

Стремясь отразить многообразие и сложность общественного развития, появилась «философия жизни». По мнению некоторых исследователей, этот термин впервые был употреблен в анонимно появившемся трактате «О моральной красоте и философии жизни» (автор Г. Ширах) во второй половине XVIII в. [1, с. 210–211].

Следующие шаги по обоснованию философии жизни были сделаны В. Дильтеем (1833–1911) и А. Бергсоном (1859–1941), которых объединила критика рационализма. В своих трудах Дильтей трактовал «жизнь как поток», который богат многими как предвиденными, предсказуемыми, закономерными, так и случайными (специфическими) формами ее проявления. Объясняя происходящее в жизни, он развил учение о понимании как специфическом методе наук о духе, особо подчеркивая интуитивное постижение духовной целостности личности и культуры [2, 3]. Бергсон трактовал жизнь как подлинную и первоначальную реальность, как космический процесс, «жизненный прорыв», как творческую эволюцию. В этой связи он определял структуру жизни как деятельность, которая, на его взгляд, строится из сознания, духа,

памяти и особенно интуиции, что стало в его учении базой отвержения рациональности [4].

Принципиально новый импульс развитию и обоснованию концепций философии жизни придали М. Шелер (1874–1928), О. Шпенглер (1880–1936) и Г. Зиммель (1858–1918). М. Шелер противопоставил формальной этике Канта так называемую материальную этику ценностей, в основе которой лежало учение о деятельности человека как интенциональном (направленном) акте постижения ценности. Он считал, что жизнь есть «изначальный феномен», который не может быть растворен ни в феноменах сознания, ни в телесных механизмах. О. Шпенглер сосредоточился на проблемах развития культуры как определяющем моменте жизни общества. Он считал, что в культуре и ее «замкнутых организмах» (египетская, индийская, китайская и другие культуры) выражается коллективная «душа» народа, которая и определяет жизненный цикл. Подчеркнем, его идеи носили характер ярко выраженного иррационализма. Он также утверждал, что жизнь – «спектакль множественности культур», каждая из которых имеет «собственную форму, собственную идею, собственную жизнь, собственную смерть» [цит. по: 1, с. 210–211].

Г. Зиммель в попытке приблизить философию жизни к социологическим реалиям выдвинул тезис, что основной проблемой жизни является противоречие между творческой ее пульсацией и ее объективизацией в застывших формах культуры [5]. Он также предпринял попытку своеобразного соединения философии жизни и феноменологии, полагая, что жизнь следует не рациональной, а «витальной» логике.

Что же явилось причиной появления философии жизни? На наш взгляд, в наступившей эре буржуазных революций и набирающих силу капиталистических общественных отношений огромные массы народа были вовлечены в социально-экономические и политические процессы развития общества и государства. Ломая привычный образ жизни, большие слои населения сталкивались с необходимостью приспособить свою жизнь к новым реалиям, и это приспособление шло не по логике линейного развития, а зачастую непредсказуемым путем. Именно эта противоречивость жизненного процесса нашла наиболее развернутое рассмотрение в творчестве Ф. Ницше (1844–1900). Будучи представителем философии жизни, он обратил особое внимание на иррационалистическое ее понимание. Он противопоставил два начала бытия – дионисийское (жизненно-органистическое) и аполлоновское (созерцательно-упорядочивающее). По его мнению, о том, что жизнь иррациональна, говорили революции, массовые, нередко кровопролитные эксцессы

(бунты, забастовки, вооруженные стычки), которые отвергали последовательность и разумность происходящего [6].

Но главное достижение первых шагов философии жизни заключалось в том, что в ее рамках был сделан вывод: народ во все большей мере становится субъектом исторического процесса, а его жизнь во всех ее проявлениях приобретает значимость не только для социальной практики, но и как предмет научного поиска.

Этот этап в обосновании основных положений философии жизни характерен тем, что его общей чертой стало выступление против классического идеала рациональности, кантовской трактовки разума. Центром поиска стало обращение не к формальному, логическому доказательству, а к жизненному опыту, реальной жизни во всем ее многообразии. Важной особенностью этого этапа в развитии и обосновании концепций философии жизни стала все большая концентрация внимания на проблеме человека, попытке рассмотреть его в целостности и во всем многообразии душевных сил.

Вместе с тем преувеличение значения иррациональных аспектов философии жизни привело к тому, что некоторых ее разработчиков (например, Ницше) стали обвинять в том, что своими трудами они подготовили почву (уже в реальной жизни) для оправдания различных проявлений человеческой деятельности, в том числе и иррациональных, таких как нацизм, тоталитаризм и даже фашизм. Кроме того, эти умозаключения оставались долгое время скорее пожеланием, некоторым логическим конструктом, чем реальным поиском средств и методов конкретного знания [подробнее см.: 7].

В целом же философия жизни повлияла на социологию с точки зрения обращения внимания на исследование общества в его человеческом обличье, что постепенно привело к становлению социологии жизни.

Этот поиск идей о человеческом измерении жизни общества привел к возникновению уже в XIX в. *новой научной концепции – социологии жизни, которая была именно в такой формулировке предложена и обоснована французским социологом Жаном Мари Гюйо (1854–1888)*. Он заявил о необходимости и важности подойти к изучению реальности с позиций анализа многообразия жизненных ситуаций. Он констатировал возможность как научного, так и практического познания жизни людей в ее целостности и завершенности с попыткой опереться на измеряемые показатели для более углубленного ее изучения и использования результатов в социальной практике. По своей сути концепция Гюйо исходила из идей философии жизни, но по-новому их осмысливала и интерпретировала.

Вместе с тем концепция социологии жизни долгое время не получала дальнейшего развития, обстоятельного научного обоснования, хотя уже в конце XIX – начале XX в. социологами был сделан вывод: народ во все большей мере становится субъектом исторического процесса, а его жизнь во всех ее формах включает в себя как многообразие общественно значимой деятельности, так и ситуативные действия, обусловленные и зависящие от индивидуального сознания и взаимоотношений людей с окружающим миром.

Поэтому вполне логично, что на грани XIX–XX вв. исследования жизни людей эволюционировали к постепенному признанию и пониманию того, что ее можно изучить через вполне приемлемые и измеряемые показатели. Именно в этот период времени начались интенсивные исследования различных аспектов жизни – труда, культуры, образования, отдельных социально-классовых и демографических групп – рабочих, молодежи, крестьян, учащихся и др., т. е. тех отдельных компонентов реальной жизни людей, исследование которых подготовило многие будущие основания социологии жизни.

Среди тех, кто объективно приблизился к интерпретации социологии жизни, хотелось бы назвать *труд Э. Дюркгейма «Некоторые формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии»* и его же труд с М. Моссом «О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений», в которых были описаны все аспекты реальной повседневной жизни туземного населения [8, 9].

Этим же путем пошел, не употребляя этого термина, М. Вебер, применив его к исследованию жизни протестантов при написании труда «Протестантская этика и дух капитализма». Именно протестантская этика была тем основным ключевым смыслом, который определял практически все аспекты сознания и поведения людей, их жизненного мира в процессе возникновения и возмужания капиталистического производства [10].

Однако на становление социологии жизни наиболее действенное воздействие оказали феноменологическая социология и социология повседневности.

Роль феноменологической социологии в обосновании человеческого измерения жизни

Особенность *феноменологической социологии* заключается в том, что она свое начало берет от философской концепции *Э. Гуссерля* (1859–1938), на основе которой возникла социология обыденного сознания, в дальнейшем наиболее полно обоснованная в трудах австрийского философа *А. Шюца* (1899–1959). В центре внимания

сторонников феноменологического подхода оказывается не мир в целом, как у позитивистов, а человек в его специфическом измерении. Социальная реальность, по их мнению, не есть некоторая объективная данность, которая находится вначале вне субъекта и только потом посредством социализации, воспитания и образования становится его составляющей. У феноменологов социальная реальность «возникает» посредством образов и понятий, выражаемых в коммуникации. Социальные события, по их мнению, лишь кажутся объективными, тогда как в действительности они предстают как мнения индивидов об этих событиях. Поскольку мнения образуют социальный мир, постольку понятие «значение» оказывается в центре внимания феноменологически ориентированных социологов (Гуссерль, Шюц). В объективно ориентированной социологии *значение* стало отражать некие определенные связи реального мира. В феноменологической трактовке значение выводится целиком из сознания субъекта.

Социальная реальность, возникающая в процессе коммуникации, состоит из объяснения и приписывания мотивов поведения участникам коммуникативного акта, т.е. то или иное представление, понимание социальной реальности зависит в первую очередь от того, насколько пересекаются смысловые поля участников взаимодействия.

Но от чего зависят «разночтение» одного и того же поступка, действия у разных людей? Почему они понимают действия одних и не понимают действия других? Почему люди вообще редко понимают друг друга? Феноменология не дает ответа на этот вопрос, она лишь констатирует, что существуют некоторые параметры, лингвистические и психологические, которые способствуют или препятствуют успешной коммуникации.

Значительным шагом в развитии представлений об обществе в его человеческом измерении стали концепции повседневности, возникшие в рамках феноменологической социологии. И хотя Зиммель и Хайдеггер давали прямо или косвенно негативные оценки концепциям повседневности, в работах большинства ее разработчиков повседневность трактуется как посредник между природой и культурой. По их мнению, в повседневности происходит реализация насущных потребностей человека, которые при этом приобретают культурную форму и значение [см. подробнее об этом: 11, с. 200]. Так, Л. Хеллер и А. Лефевр считали необходимым «новое обретение мира повседневности, в котором человеческие взгляды и действия ориентировались бы не на абстрактные и анонимные институты, а обрели бы прямо ощутимый человеческий смысл» [11, с. 29]. При таком подходе концепция повседневности в ме-

тодологическом измерении является воплощением жизненных ориентаций и установок, позволяя говорить о том, что она (повседневность) в определенном смысле конструируется, что «это процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий» [11, с. 200]. На этой основе осуществлялось осмысление единообразия восприятия ситуаций взаимодействия с участниками текущих жизненных процессов. В таком случае повседневность противопоставляется в формах: будни – празднику, действительность – идеалу, жизненная рутина – мгновениям острого напряжения и озарения, общедоступные формы деятельности – ее специализированным формам.

В этой связи интересно отметить, что Шюц, один из творцов феноменологии, уже как социолог предложил шесть методологически обоснованных элементов, характеризующих когнитивный смысл повседневности: а) трудовая деятельность по преобразованию внешнего мира; б) убежденность в том, что окружающий мир не только существует, но может соответствовать реальным представлениям человека о нем; в) отражает специфическое восприятие времени в виде определенных ритмов поведения; г) личная определенность индивида; д) проблемные ситуации в жизненном цикле (по Шюцу, «наряженное отношение к жизни»); е) полноценное участие в повседневной жизни, реализуемое в деятельности. Стоит особо подчеркнуть, что Шюц именуется и трактует повседневность как «верховную реальность», поскольку иные частные реальности отражают только отдельные стороны жизни людей и поэтому не могут быть полноценными и значимыми для познания общества и места в нем человека [12].

Важный вклад в познание повседневности внесли П. Бергер и Т. Лукман, предложив рассматривать повседневность как определенным образом сконструированную реальность, состоящую из множества специфических проявлений действий и взаимодействий, но олицетворяющую четко фиксируемую определенность [13]. Свое представление о повседневности, имеющее важное методологическое значение, дала *этнометодология*, в которой конструирование мира повседневности представлено как процесс, состоящий из деятельности (вернее, ее интерпретации) самих участников повседневных взаимодействий [14, 15].

В современной социологии в познание и трактовку повседневности особый вклад внесли П. Штомпка и З. Бауман, которые рассмотрели ее как текучую современность, полную не только смыслообразующих компонентов, но и коллизий, вносящих много неопределенностей и неожиданностей в жизненный мир человека [16, 17].

В отечественной социологии начальные шаги в изучении повседневности ассоциируются с именем Н.Н. Козловой (1946–2002). В ее работах с большой обстоятельностью и основательностью анализировались жизненные практики простых советских людей во всей их сложности, противоречивости и неоднозначности [18]. Вместе с тем, на наш взгляд, одним из первых приближений к анализу повседневного бытия людей в отечественной традиции стал труд Л. Гордона (1930–2001) и Э. Клопова (1930–2010) «Человек после работы». По духу этот анализ всех сторон жизни людей во вне рабочее время олицетворял концепцию повседневности. Вместе с тем эта работа не только затрагивала текущие проблемы окружающего мира людей, но и выходила на освещение таких аспектов их жизни, которые имели социально значимый характер и, по сути, приближались к социологической концепции социологии жизни и ее методолого-методической интерпретации – жизненного мира.

Таким образом, анализ трудов современных зарубежных и отечественных ученых позволяет сделать вывод, что в центре их внимания оказалось человековедение, анализ самоочевидностей сознания и поведения, схем типизации форм социальной практики. Однако именно такой подход к повседневности как объекту научного анализа принес несколько неожиданных поворотов при его применении к изучению многообразия жизненного мира. Что касается объектов изучения реальности, то наряду с социально значимыми формами повседневности стали выдвигаться в качестве ее проявлений специфические и, я бы сказал, тривиальные социальные практики, которые не имеют никакого отношения ни к науке, ни к реальной действительности.

Вместе с тем становилось очевидным, что в современных концепциях социологии все более и более привлекательными становятся *идеи человека как активного социального субъекта (актора)*, под влиянием которого осуществляются преобразования как в макро-, так и в микро-социальном плане. Эти идеи в той или иной мере нашли отражение не только в вышепроанализированных трудах ведущих социологов мира и России, но и в творчестве других представителей социологического знания. *Данный поворот в социологии позволяет утверждать, что ее лицо в конце XX – начале XXI в. во все большей мере определяют теории, которые восходят к человеку, его роли и активности в современном мире. Иначе говоря, они направили свое внимание на исследование всех без исключения аспектов общества с позиций антропоцентричности, все чаще и чаще апеллируя к его человеческому измерению. Именно этот поворот подготовил почву для возрождения социологии жизни на современном этапе развития социологической науки.*

**Отечественные (российские) предшественники
социологии жизни**

Что касается отечественной социологии, то в ней постепенно накапливался опыт эмпирического изучения жизненного мира людей. Стоит отметить, что в этот период многим представителям русской социологии (психологическая, этико-социологическая, органистическая школы) была присуща характерная черта: они, несмотря на значительные различия, были сориентированы на изучение человека в его специфическом социальном измерении, разделяли идеи о социальной сущности человека, о роли сознания и поведения в решении общественных проблем.

Иначе говоря, ряд социологов России в XIX – начале XX в. прямо или косвенно выходили на проблемы человека, индивида как социального существа, считая сознание и поведение основным критерием общественного прогресса, а в ряде случаев рассматривая этот феномен в качестве основного объекта социологического изучения. Именно гуманистическая направленность, человеческое измерение общественной жизни являются важнейшей характеристикой состояния и развития отечественной социологии в этот период времени. Эти размышления и утверждения использует автор в своей концепции социологии жизни, которая в развернутом виде учитывает состояние и тенденции развития общественного сознания и поведения в тесной связи с объективными условиями существования людей.

Эту традицию в определенной мере продолжили исследователи преобразований после Октябрьской революции 1917 г. В 1928 г. в свет вышла книга А.М. Большакова «Деревня (1917–1927)», в которой дан всесторонний анализ жизни сельских жителей одной из волостей Тверской губернии. В этом уникальном (неоправданно забытом) произведении обстоятельно рассматривались все аспекты жизни людей, начиная с прошлого сельских поселений до частушек, которые пели крестьяне в то время [подробнее см.: 20]. К подобным всеохватывающим трудам можно отнести и исследование жизни жителей села Копанка (Молдавия), повторенное в 1960-е гг., где также была предпринята попытка анализа всех аспектов жизни населения этого села [см.: 21]. Этим требованиям – всестороннее исследование жизни – в известной мере отвечала начатая в 1930-е гг. по инициативе М. Горького серия историко-художественных изданий серии «История фабрик и заводов», в которых осуществлялись попытки охарактеризовать все аспекты возникновения, развития и функционирования данных хозяйственных объектов в тес-

ной связи с описанием реальной жизни людей на всех этапах существования данных предприятий.

Возвращение к этой традиции – изучению социальной жизни в ее человеческом измерении в совокупности всех составляющих ее элементов – было непростым, противоречивым и неоднозначным, но в то же время знаменательным, так как новые потребности в развитии советского (российского) общества диктовали необходимость комплексного анализа всех сторон жизни людей. Однако в отечественной социологии 1950–2010 гг. исследований, которые бы предприняли анализ всех аспектов жизни людей в их целостности и неразрывности, не так уж много. Поэтому наряду с начавшимся потоком отдельных социологических исследований социально-экономических и социально-культурных проблем в начале 1960-х гг. [22] возникло и сформировалось уникальное, специфическое явление – социальное планирование, выразившееся в разработке и внедрении планов социального развития сначала трудовых коллективов, затем и территорий. Начало этой научной и практической деятельности положила инициатива ленинградских ученых и руководителей предприятий города. Одним из первых таких научно-прикладных документов стал план социального развития научно-производственного объединения «Светлана». Уникальность этого документа состояла в охвате всех проблем социальной жизни людей, выходящих за пределы производственных забот, – в нем были отражены потребности повседневной жизни людей, жилищные условия, организация свободного времени, здоровье, физическая культура и спорт и т. д. Не было ни одной социально значимой ниши, которую бы не затрагивали в своем поиске исследователи и которую бы игнорировали руководство и общественные организации объединения. Уже в 1970-х гг. были опубликованы работы, обобщающие результаты этого научного поиска и практического почина, анализировавшие все стороны трудовой, социально-политической и культурной жизни людей в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве. Были сформулированы рекомендации по использованию этих принципов на других уровнях социальной организации общества [см.: 23–26].

В летописи отечественной социологии запечатлен вклад так называемой заводской социологии, представители которой (В.И. Герчиков, А.К. Зайцев, Б.И. Максимов, В.В. Щербина и др.) осуществили поиск социальных резервов, касающихся практически всех сторон жизни работников предприятий [см. например: 27]. Именно их усилиями планы социального развития стали руководством в реальной практике управления

социальной жизнью производственных коллективов, эффективным средством решения перспективных и текущих социальных проблем.

В недрах социологической мысли уже в 1970-х гг. сначала в теоретическом плане, а затем в прикладном стали крепнуть идеи о необходимости исследовать социальную жизнь посредством понятия «образ жизни». Что касается теоретического осмысления этого феномена, было уделено внимание соотношению «образа жизни» с понятиями «уровень жизни», «стиль жизни», а несколько позже «качество жизни» [28, 29].

Одновременно перед социологами возникла проблема операционализации понятия «образ жизни», которую одними из первых во второй половине 1970-х гг. попытались осуществить исследовательские коллективы под руководством И.В. Бестужева-Лады (1927–2015), Л.Н. Когана (1923–1997), И.Т. Левыкина (1923–1994) [30–32]. В их концепциях образ жизни первоначально конструировался по четырем сферам: труд, быт, общественно-политическая и культурно-образовательная деятельность. Затем представление о нем было доведено до 14 блоков, включая быт, показатели брака и семьи, образование, национальные отношения и антиобщественные явления. Были расширены и уточнены показатели условий жизни (материальное благосостояние, социальное обеспечение, транспортное обслуживание, состояние окружающей среды), введен дополнительно блок показателей стиля жизни (жизненная ориентация). Все это по сути дела означало попытку в комплексе охватить все жизненные реалии и ответить на вызовы времени, решить не отдельные, пусть значительные проблемы, но и особенные, даже специфические аспекты жизни.

Изучение образа жизни быстро развивалось в 1970–1980 гг. От общесоюзных исследований они шагнули на предприятия, в сельские поселения, в регионы. Одним из уникальных и особенно удачных, методологически выверенных трудов стала монография В.В. Чичилимова, построенная на данных жизни работниц Тираспольской швейной фабрики [см.: 33]. В книге красочно, наглядно и убедительно описывались все без исключения заботы, тревоги и проблемы женского коллектива предприятия – от характеристики трудовых будней до работы детского сада. Это тем более знаменательно, что продукция фабрики потреблялась не только на внутреннем рынке – она импортировалась по заказам французских бизнесменов.

Глубокое и обстоятельное исследование образа жизни одной из важнейших социальных групп – крестьянства – осуществил коллектив под руководством Т.И. Заславской (1927–2013) и И.В. Рывкиной (р. 1926): анализ состояния и изменений жизненных путей сельских жи-

телей ряда районов Западной Сибири [34]. Последним из крупномасштабных, близких по логике к исследованию образа жизни явился опрос ВЦИОМ по репрезентативной общесоюзной выборке в ноябре 1989 г., результаты которого легли в основу известной монографии «Советский простой человек» [35].

Комплексное изучение социальной жизни людей в условиях постсоветской России нашло отражение в крупномасштабных исследованиях Института социологии и Института социально-политических исследований РАН. В Институте социологии ряд исследований подводил итог развития страны в его человеческом измерении с начала перестройки (1985) и в сравнении с началом 1990-х гг. В них были выявлены черты жизненного мира людей, их проблемы как текущие, так и в ретроспективе, показаны изменения в установках и ценностных ориентациях россиян [подробнее см.: 36]. В ИСПИ РАН почти четверть века под руководством В.К. Левашова осуществляется мониторинг многих сторон жизненного мира людей с акцентом на социально значимых его компонентах [37]. Уникальное, на наш взгляд, исследование всех аспектов жизни сельских жителей Угорского района Костромской области осуществляет Н.Е. Покровский, в котором ведется плодотворный поиск ответа на злободневный вопрос – что собой представляет жизнь современной российской деревни в специфических условиях российского Севера с учетом особенностей данных поселений.

Что же объединяет эти многосторонние, комплексные исследования жизни россиян? Есть ли у них какие-либо общие черты и характеристики с другими социологическими исследованиями, посвященными отдельным компонентам жизненного мира людей – труду, политике, социальной структуре, культуре, религии и т. д.? *На наш взгляд, интегрирующим моментом, пронизывающим все без исключения исследования социологов, который осознанно или в известной мере стихийно применяется в поиске истины, является изучение жизненного мира людей в единстве общественного сознания во всех его формах и проявлениях с поведением (деятельностью) людей и окружающей их среды.*

Если рассмотреть эти все без исключения социологические исследования, нацеленные на познание тех или иных сторон жизни людей или затрагивающие их, они имманентно включали в себя изучение основополагающих характеристик жизни человека – сознание, поведение (деятельность) и среду. В этой связи хотелось бы напомнить характеристику социологии, данную П.А. Сорокиным (1928), как «науки, изучающей поведение людей, живущих в среде себе подобных» [38, с. 534].

Таким образом, постепенно, шаг за шагом становился очевидным факт, что интерес социологии заметно смещается в направлении человековедения, к признанию того, что анализ проблем жизни людей все больше и больше становится объектом ее внимания. Справедливым становилось, во-первых, утверждение, что прошло время, когда в социологии общество объявлялось первостепенным объектом анализа. Во-вторых, выдвижение на первое место проблем человека не означает, что социология претендует на его познание, как это делает биология или психология. Социология выделяет лишь те параметры в жизни человека, которые являются социальными по предназначению. Социология претендует на анализ социальных проблем, которые являются «вечными», проявляющими себя в любых обществах, в любых условиях, на всех этапах человеческой истории, но при учете национальной, региональной или иной специфики.

Потребовались время и длительный и настойчивый поиск, чтобы выразить эти теоретические утверждения и методологические подходы через понятия и показатели, которые могли бы охарактеризовать сущность и содержание социологии жизни, а также сформулировать предложения, как и при помощи каких методов отразить (выразить) все многообразие жизни не только общества, но и всех людей, олицетворяющих это общество [25].

Литература

1. Михайлов И.А. Философия жизни // Философская энциклопедия : в 4 т. Т. 4. М., 2004. С. 210–211.
2. Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. М., 2000.
3. Плотников Н.С. Жизнь и история: Философская программа Вильгельма Дильтея. М., 2000.
4. Бергсон А. Творческая эволюция. СПб., 1914.
5. Зиммель Г. Избранное. М., 1996.
6. Ницше Ф. Несвоевременные размышления // Ницше Ф. Полн. собр.
7. Тощенко Ж.Т. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1.
8. Дюркгейм Э. Некоторые формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии // Личность. Религия. Наука. М., 1998.

References

1. Mihaylov I.A. Filosofiya zhizni // Filosofskaya enciklopediya: v 4 t. T. 4. M., 2004. S. 210–211.
2. Dil'tey V. Vozzrenie na mir i issledovanie cheloveka so vremen Vozrozhdeniya i Reformacii. M., 2000.
3. Plotnikov N.S. Zhizn' i istoriya: Filosofskaya programma Vil'gel'ma Dil'teya. M., 2000.
4. Bergson A. Tvorcheskaya evolyuciya. SPb., 1914.
5. Zimmel' G. Izbrannoe. M., 1996.
6. Nicshe F. Nesvoevremennye razmyshleniya // Nicshe F. Poln. sobr.
7. Toschenko Zh.T. Sociologiya zhizni kak teoreticheskaya koncepciya // Sociologicheskie issledovaniya. 2015. № 1.
8. Dyurkgeym Ye. Nekotorye formy religioznoy zhizni. Totemisticheskaya sistema v Avstralii // Lichnost'. Religiya. Nauka. M., 1998.

9. Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию первобытных представлений. М., 1996.
10. Вебер А. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1990.
11. Ионин Л.Г. Методология социально-гуманитарного знания // История философии наук. М., 2011.
12. Шюц А. Избранное: мир, освященный смыслом / сост. и пер. Н.М. Смирновой. М., 2004.
13. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
14. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб., 2007.
15. Кравченко С.А. Социология. Парадигмы через призму социологического воображения. М., 2002.
16. Бауман З. Текучая современность. М., 2008.
17. Штомпка П. Социология: анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М., 2007.
18. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М., 1996.
19. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М., 1972.
20. Большаков А.М. Деревня (1917–1927). М., 1928.
21. Осипов Г.В. (ред.). Копанка: 25 лет спустя. М., 1965.
22. Тощенко Ж.Т., Романовский Н.В. (ред.). Вехи российской социологии (1950–2000-е годы). М., 2008.
23. Латин Н.И., Коржева З.М., Наумова Н.Ф. Теория и практика социального планирования. М., 1976.
24. Лузан П.П. Планирование социального развития производственного коллектива. М., 1972.
25. Тощенко Ж.Т. От философии жизни к социологии жизни // Философские науки. 2015. № 5.
26. Фролов С.Ф. Социальное планирование на промышленном предприятии. Горький, 1969.
9. Dyurkgeym Ye., Moss M. O nekotoryh pervobytnyh formah klassifikacii. K issledovaniyu pervobytnyh predstavleniy. M., 1996.
10. Veber A. Protestantskaya etika i duh kapitalizma. M., 1990.
11. Ionin L.G. Metodologiya social'no-gumanitarnogo znaniya // Istoriya filosofii nauk. M., 2011.
12. Shyuc A. Izbrannoe: mir, osvyaschen-nyu smyslom / sost. i per. N.M. Smirnovoy. M., 2004.
13. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M., 1995.
14. Garfinkel' G. Issledovaniya po etnometodologii. SPb., 2007.
15. Kravchenko S.A. Sociologiya. Paradigmy cherez prizmu sociologicheskogo voobrazheniya. M., 2002.
16. Bauman Z. Tekuchaya sovremen-nost'. M., 2008.
17. Shtompka P. Sociologiya: analiz sovremennogo obschestva / per. s pol'sk. S. M. Chervonnoy. M., 2007.
18. Kozlova N.N. Gorizonty povsednevnosti sovetskoy epohi: Golosa iz hora. M., 1996.
19. Gordon L.A., Klopov Ye.V. Chelovek posle raboty. Social'nye problemy byta i vnerabocheho vremeni. M., 1972.
20. Bol'shakov A.M. Derevnaya (1917-1927). M., 1928.
21. Osipov G.V. (red.). Kopanka: 25 let spustya. M., 1965.
22. Toschenko Zh.T., Romanovskiy N.V. (red.). Vehi rossiyskoy sociologii (1950–2000-e gody). M., 2008.
23. Lapin N.I., Korzheva Z.M., Naumova N.F. Teoriya i praktika social'nogo planirovaniya. M., 1976.
24. Luzan P.P. Planirovaniye social'nogo razvitiya proizvodstvennogo kollektiva. M., 1972.
25. Toschenko Zh.T. Ot filosofii zhizni k sociologii zhizni // Filosofskie nauki. 2015. № 5.
26. Frolov S.F. Social'noe planirovaniye na promyshlennom predpriyatii. Gor'kiy, 1969.

27. Щербина В.В. Развитие заводской социологии: история, опыт, наследие // Вехи российской социологии: 1950–2000-е годы / отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. СПб., 2010.
28. Толстых В.И. Образ жизни: Понятия. Реальность. Проблемы. М., 1975.
29. Руткевич М.Н. (ред.). Социалистический образ жизни. М., 1983.
30. Бестужев-Лада И.В. Советский образ жизни: Формы и методы его пропаганды. М., 1980.
31. Коган Л.Н. (ред.). Социалистический образ жизни (опыт социологического исследования). М.; Свердловск, 1979.
32. Левыкин И.Т. Образ жизни как объект междисциплинарного изучения // Социологические исследования. 1981. № 1.
33. Соколова В., Кашина М., Чичилимов В. Все о нас и нашем коллективе: Концепция, методы и результаты диагностики образа жизни коллектива тираспольских швейников. Кишинев, 1980.
34. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. (ред.). Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск, 1980.
35. Левада Ю.А. (ред.). Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993.
36. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011.
37. Левашов В.К. Российское государство и общество в период либеральных реформ. М., 2013.
38. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
27. Scherbina V.V. Razvitie zavodskoy sociologii: istoriya, opyt, nasledie // Vехi rossiyskoy sociologii: 1950–2000-e gody / отв. red. Zh.T. Toschenko, N.V. Romanovskiy. SPb., 2010.
28. Tolstyh V.I. Obraz zhizni: Ponyatiya. Real'nost'. Problemy. M., 1975.
29. Rutkevich M.N. (red.). Socialisticheskiy obraz zhizni. M., 1983.
30. Bestuzhev-Lada I.V. Sovetskiy obraz zhizni: Formy i metody ego propagandy. M., 1980.
31. Kogan L.N. (red.). Socialisticheskiy obraz zhizni (opyt sociologicheskogo issledovaniya). M.; Sverdlovsk, 1979.
32. Levykin I.T. Obraz zhizni kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo izucheniya // Sociologicheskie issledovaniya. 1981. № 1.
33. Sokolova V., Kashina M., Chichilimov V. Vse o nas i nashem kollektive: Konceptsiya, metody i rezul'taty diagnostiki obraza zhizni kollektiva tiraspolskih shveynikov. Kishinev, 1980.
34. Zaslavskaya T.I., Ryvkina R.V. (red.). Metodologiya i metodika sistemnogo izucheniya sovetskoй derevni. Novosibirsk, 1980.
35. Levada Yu.A. (red.). Sovetskiy prostoy chelovek: Opyt social'nogo portreta na rubezhe 90-h. M., 1993.
36. Gorshkov M.K. Rossiyskoe obschestvo kak ono est' (opyt sociologicheskoy diagnostiki). M., 2011.
37. Levashov V.K. Rossiyskoe gosudarstvo i obschestvo v period liberal'nyh reform. M., 2013.
38. Sorokin P.A. Chelovek. Civilizaciya. Obschestvo. M., 1992.